
VALENTINA SIMKHOVICH

**CYBERBULLYING AS A SOCIAL
PROBLEM OF MODERN SOCIETY**

Author affiliation. *Valentina SIMKHOVICH (simkhovich_V@mail.ru), Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).*

Abstract. Grounds are given for the cyberbullying (online-bullying, virtual terror) as a social problem of a modern society. An acute character of the problem is explained by a global extension of the phenomenon as a universal way of self-affirmation mainly among the teenagers, trauma consequences of the virtual terror entailing socialization problems, destructive changes of the teenagers' personality and their deviant behavior. A need to study the cyberbullying with joint efforts of educators, psychologists, sociologists and jurists is given grounds for.

Keywords: virtual communication; cyberbullying; social problem; trauma consequences.

UDC 159.922.8

*Статья поступила
в редакцию 23.11. 2017 г.*

О. А. АЛАМПИЕВ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
НЕРАВЕНСТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ**

Автором проанализированы социальные и экономические последствия, с которыми столкнулось современное общество в связи с увеличением социально-экономической дифференциации вследствие реализации нелиберальной экономической модели развития и экономической глобализации; определены социальные риски, вызванные высоким уровнем социально-экономического расслоения в условиях становления информационного общества и инновационной экономики.

Ключевые слова: социальная дифференциация; социальные риски; социальное развитие.

УДК 316.344

Олег Анатольевич АЛАМПИЕВ (alampijeu@gmail.com), кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

Неолиберальные социально-экономические реформы конца 70—80-х гг. XX в. в развитых странах западного мира вместе с экономической глобализацией и третьей технологической революцией привели к существенным социальным изменениям. В их числе в первую очередь следует назвать резкое увеличение социально-экономического расслоения, уменьшение социальной защищенности и снижение трудовых гарантий, рост безработицы, замедление вертикальной социальной мобильности и уменьшение реального равенства возможностей во многих развитых странах по сравнению с периодом послевоенного тридцатилетия. Вследствие перехода к рыночной экономике в бывших социалистических странах Центральной, Восточной, Южной Европы и Китае также произошло стремительное и очень заметное увеличение экономического расслоения. Можно утверждать, что рост социально-экономического неравенства в последние 30—35 лет стал общемировой тенденцией.

Социально-экономическое развитие Беларуси после 1991 г. имело ряд особенностей, которые отличают ее от соседних стран и выделяют в контексте мировых тенденций в целом. Специфика социально-экономического развития Беларуси в это время заключалась в первую очередь в отказе от шоковой терапии — радикальных социально-экономических реформ рыночного характера, малых масштабах приватизации, стремлении к сохранению и развитию системы социальной защиты, что, помимо прочего, имело следствием сохранение невысокого уровня экономической дифференциации. Среди оценок этих особенностей трудно отыскать в полной мере непредвзятые. Высказываемые суждения часто в большей степени определяются не анализом реальных данных и фактов, а приверженностью их автора тому или иному экономическому подходу с соответствующими ему схемами оценки, что ведет к выявлению одних и тех же недостатков и выдвижению тривиальных рекомендаций. Те или иные оценки даются на основе представлений об экономических и социальных механизмах, при этом не подвергается сомнению истинность теоретических положений, лежащих в основе этих представлений. К примеру, так часто происходит, когда речь идет о неолиберальной экономической парадигме (хотя и не только о ней), основные положения которой довольно популярны среди многих экономистов стран Восточной Европы ввиду ее полной противоположности командно-административной экономической модели, в чем трудно не заметить некоторую идеологическую ангажированность ее сторонников. В итоге часто получается, что положения научной парадигмы, становясь элементами экономического и социального мышления и универсальным познавательным и объяснительным инструментом, начинают выполнять уже скорее идеологические функции, нежели служат методологией познания и источником социальных изменений. Стоит отметить, что подобные эпистемологические противоречия в познании социально-экономических процессов, как утверждает историк экономики и экономической науки Э. Райнерт, являются характерной чертой современного экономического мышления в целом [1, 147—149]. Следует добавить, что часто суждения о социально-экономическом развитии Беларуси в период Независимости основываются на крайнем экономическом детерминизме в лучших традициях методологического марксизма, что заключается в почти полном отказе видеть и учитывать социальные, политические и культурные факторы при рассмотрении социально-экономических явлений и процессов. Такой подход, который с позиций социологического знания всегда представлялся сомнительным, на сегодняшний день критикуется и многими видными экономистами, в частности такими, как Т. Пикетти, А. Сен, Дж. Стиглиц [2, 39; 3, 250—261; 4, 325—327; 5, 114—115, 215—255]. Все это указывает на необходимость анализа возможностей и перспектив развития Беларуси и белорусского общества в контексте глобальных тенденций социально-эконо-

мического развития, в условиях роста экономического неравенства и с учетом достижений современного социального и экономического знания.

Стоит отметить, что исследования социально-экономической дифференциации белорусского общества последних лет носят преимущественно описательный характер и почти не содержат международных сравнений. Лишь единичные работы, в частности О. В. Кобяка и Г. Н. Соколовой, содержат анализ особенностей социально-экономической дифференциации, экономического мышления и культуры в сопоставлении с мировыми тенденциями и в контексте современных теоретических подходов [6–8]. Ввиду этого остаются нерешенными вопросы влияния специфических черт социальной дифференциации на экономическое и социальное развитие белорусского общества в отечественной социологической и экономической науке, что указывает на актуальность и целесообразность соответствующих исследований.

Рост социально-экономического неравенства в глобализирующемся мире: старые и новые социальные риски. Увеличение экономического расслоения в последние 30–35 лет является характерной чертой социально-экономического развития современного мира; экономическое неравенство стремительно приближается к масштабам начала XX в. — эпохи наибольшего экономического неравенства в истории. В 1985 г. в странах Организации экономического сотрудничества и развития доходы 10 % наиболее обеспеченных жителей были в среднем в 7,4 раза выше, чем доходы 10 % наименее обеспеченных, к 2012 г. эта разница почти достигла десятикратного размера [9]. На сегодняшний день на менее зажиточную половину населения мира приходится лишь 1 % мирового богатства [10, 9]. В начале 2010-х гг. доля 10 % крупнейших состояний составляла около 60 % национального имущества в большинстве европейских стран [2, 256]. В США верхние 10 % владеют 75 % американского имущества, в то время как нижняя половина — лишь 2 % [2, 256]. Современные исследования, особенно появившиеся на фоне экономического кризиса 2008–2009 гг. и последовавшей за ним рецессии, стремятся показать, что социальные и экономические издержки роста социально-экономического неравенства могут значительно превосходить его положительный социально-экономический эффект. Взвешенная оценка особенностей социально-экономического расслоения белорусского общества невозможна без изучения этих исследований.

Реальная экономическая политика последних десятилетий в странах западного мира основывалась на ряде схожих нелиберальных экономических концепций, в сущности представлявших собой возвращение к идеям А. Смита о «невидимой руке рынка». Одной из наиболее популярных была концепция экономики просачивания благ, согласно которой снижение налогов на богатство приводит к расширению для богатых возможностей инвестирования и, в конечном итоге, ведет к созданию новых производств, за которым следует снижение безработицы и общий рост благосостояния общества [5, 65–66, 105–106]. На практике результаты осуществления такого подхода оказались довольно далеки от ожидаемых: реального просачивания благ не произошло, рост неравенства оказался беспрецедентным для современной истории, возрастание всеобщего богатства, измеряемого в ВВП, при росте неравенства мало отражало реальную динамику благосостояния большей части населения [10, 46–50; 11, 45–46]. Т. Пикетти в связи с этим отмечает: «Если сложить общий рост американской экономики в течение 30 лет, предшествовавших кризису, т. е. с 1977 по 2007 г., то мы обнаружим, что 10 % самых богатых досталось три четверти этого роста, 1 % самых богатых заполучили около 60 % от общего роста национального дохода Соединенных Штатов в этот период; для оставшихся 90 % темпы роста среднего дохода ограничивались менее чем 0,5 % в год» [2, 295]. Реальное положение некоторых социальных групп даже

в очень развитых странах может быть сравнимым с аналогичным уровнем в развивающихся экономиках [3, 297; 12, 4].

Снижение значения роли государства в экономике, приватизация государственных активов, снижение налогового бремени для бизнеса вместе с экономической глобализацией привели к ряду неожиданных и неоднозначных социальных последствий. Экономический рост при увеличении социальной дифференциации в последние десятилетия в большинстве развитых стран был весьма скромным, рост доходов средних и наименее обеспеченных слоев населения с учетом инфляции и вовсе порой выражался отрицательными значениями, как, к примеру в США [4, 157–158; 5, 83–84]. Глобализация и в первую очередь глобализация рынков капитала породила ряд проблем, связанных с выводом капитала в страны и регионы с более дешевой рабочей силой, и налоговую конкуренцию между странами с целью привлечения инвестиций, что также вело к снижению налоговых поступлений в бюджеты многих развитых стран; за этим последовало во многом уже вынужденное сокращение социальных гарантий и уменьшение социальных трансфертов. Вместе с международной конкуренцией на рынке труда это крайне негативно отразилось на положении широких слоев населения в развитых странах, значительно поспособствовало росту социально-экономического расслоения, привело к увеличению безработицы, замедлению экономического роста и снижению уровня доходов многих социальных групп; кроме того, это повлекло за собой отмену многих трудовых гарантий, снижение роли профсоюзов и стабильности занятости, рост доли временной занятости и занятости на неполный рабочий день, увеличение интенсивности труда при прежней зарплате и, как следствие всего этого, рост социальной напряженности [5, 121–127; 7, 27–28; 10, 46–47; 13, 392–400, 422–425, 465–503; 14, 145–156; 15, 85–92, 206–235].

К причинам роста неравенства, как указывает Б. Миланович, в развитых странах стоит отнести также технологические изменения последних десятилетий, при которых более квалифицированная рабочая сила, на которую увеличился спрос, лучше вознаграждается (в частности, речь идет о сфере высоких технологий) и увеличивает долю капитала в доходе и отдаче на капитал [14, 81]. Кроме того, расширение сектора услуг привело к увеличению спроса и соответственно занятости в данной сфере, где появлялось все больше низкооплачиваемых рабочих мест, не требующих высокой квалификации, что увеличило долю занятых на таких должностях [13, 385–391; 14, 81]. Фактором роста неравенства выступает и международная трудовая миграция, поскольку приводит к повышению конкуренции на рынке труда, чем оказывает понижающее давление на уровень зарплат [14, 108]. Эти процессы сопровождаются ростом имущественной дифференциации внутри самого среднего класса, фактически его размыванием; менее обеспеченная его часть по уровню доходов уже не соответствует традиционным представлениям о его социально-экономическом положении [16, 34–35]. Раскрытые в работе Б. Милановича механизмы развития социально-экономических процессов и в особенности социальные риски становления современной экономики требуют особого внимания, поскольку указывают на те сферы, в которых следует предпринять меры по предупреждению повторения негативного опыта других стран, например в вопросе миграционной политики или в развитии сферы услуг.

В знаменитой работе Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» автор приходит к весьма неутешительным выводам: сокращение социально-экономического неравенства в XX в. было лишь случайным эпизодом; принимая во внимание тенденции экономического, социального и демографического развития и применяя к построению прогнозов раскрытые им закономерности изменения

уровня неравенства, согласно которым замедление экономического роста при сохранении или незначительном сокращении доходности капитала неизбежно ведет к увеличению последнего, автор показывает, что дальнейшее увеличение экономической дифференциации и сокращение среднего класса неизбежны, если не будут найдены и применены внеэкономические меры регулирования распределения доходов и имущества [2, 585–587]. Результаты исследований Т. Пикетти и его выводы заслуживают особого внимания: они противоречат привычным рекомендациям по обеспечению устойчивого экономического роста и достижения социального благополучия, как правило, звучащим в духе крайнего рыночного либерализма; указывают на социально-экономические риски, которые могут грозить и белорусскому обществу, — замедление экономического роста в последние годы, согласно его концепции, неизбежно ведет к росту экономического неравенства.

Уже упомянутый Э. Райнерт указывает на риски, связанные с переходом к чистой рыночной экономике для стран с отстающей в конкурентоспособности и инновационности промышленностью и соответствующей ей инфраструктурой (или вообще без таковых). Вместо роста инновационности и конкурентоспособности промышленности при переходе к свободному рынку следует ожидать скорее уничтожения даже существующей промышленности; за этим неизбежно последует остановка экономического роста или даже, как в случае отдельных стран, таких как Перу и Монголия, значительное снижение достигнутого уровня жизни и благосостояния [1, 197–234]. Возможен также вариант построения экономики, основой которой является экспорт природных богатств, как в случае с Россией, что никак нельзя считать экономическим развитием и свидетельством социального прогресса. Тенденции к разрушению национальной промышленности в первые постсоветские годы проявились и в Беларуси в 91–95-м гг. XX в. [17, 245]. Путь к экономическому процветанию, как указывает Э. Райнерт, в наиболее успешных странах заключался в первую очередь в защите национальной промышленности и ее развитии при государственной поддержке (что вовсе не подразумевает государственную форму собственности) до момента достижения конкурентоспособности; в этом важнейшую роль играло развитие наиболее перспективных и инновационных в соответствующий момент времени отраслей производства (в качестве примеров последних десятилетий он приводит Финляндию, Ирландию, Южную Корею, Тайвань, Австралию, Новую Зеландию) [1, 101–196]. Результаты исследований Э. Райнерта особенно актуально звучат для современной Беларуси, где важно сохранить и ускорить экономический рост и избежать негативных возможных социальных последствий в условиях не располагающих к этому глобальных тенденций социально-экономического развития. При этом очевидно, что избирая вариант, который защищает Э. Райнерт, следует предпринимать шаги для достижения упомянутой экономической конкурентоспособности, а не оказывать весьма не дешевую поддержку нерентабельным производствам из социальных соображений.

Усиление экономического неравенства, как показывают Д. Стиглиц, Б. Миланович, Т. Пикетти, крайне негативно сказывается на социально-экономическом развитии, поскольку в конечном итоге высокое неравенство в распределении доходов (как трудовых, так и от капитала) ведет к неравенству возможностей, снижает социальную мобильность; уменьшение налоговых поступлений ведет к ухудшению медицинского обслуживания, сокращению инвестиций в научные разработки, создание новых технологий и развитие инфраструктуры, в результате чего спустя какое-то время накапливается общее отставание, делающее долгосрочные и наиболее перспективные инвестиции в такую экономику, даже несмотря на низкое налогообложение, менее вы-

годными, чем в экономику стран с более высокими налогами, но с меньшим уровнем неравенства, большей мобильностью, лучшей социальной, научной и технологической инфраструктурой [4, 28, 120–121; 14, 126]. Еще одной опасностью роста неравенства для социального и экономического развития, на которую обращает внимание Дж. Стиглиц, является снижение потребления: «Перемещение денег снизу вверх, в пользу богатейших, сокращает совокупное потребление, поскольку люди с высоким уровнем дохода тратят меньшую долю своих доходов в сравнении с людьми с низким уровнем дохода» [4, 130]. Сокращение же спроса автоматически ведет к росту безработицы и общему замедлению экономического роста [4, 180]. Самым негативным последствием этих процессов, по мнению Д. Стиглица, следует считать упущенную выгоду от снижения равенства возможностей, в частности, из-за усложнившегося доступа к высшему образованию людей из менее обеспеченных слоев и недофинансирования социальной инфраструктуры [4, 120–121]. Кроме того, снижается общее качество образования, медицинского обслуживания, замедляется рост продолжительности жизни. Увеличение неравенства ведет к снижению социальной солидарности, росту преступности, формированию так называемой культуры неравенства [18, 43–44; 19, 46]. Российский исследователь А. Я. Кирута в своей работе привел весьма убедительное и изящное математическое доказательство тому, что перспективы экономической модернизации и экономического роста вообще в обществе с увеличением неравенства становятся намного хуже [20, 70–73]. При этом во многих обществах идеи экономического либерализма по-прежнему пользуются поддержкой, причем не только со стороны экономического и политического истеблишмента, но и других слоев населения, в массовом сознании которых справедливость происходящего поддерживается современной массовой культурой и СМИ, вследствие чего многие люди, не находящиеся на вершине социальной иерархии, склонны объяснять снижение уровня жизни собственной виной [5, 196–197, 215–255; 10, 63–66]. Изменение таких установок возможно путем применения не столько экономических методов, сколько современных социальных технологий.

Из сказанного можно заключить: многие современные ученые на основе эмпирических данных и теоретического анализа приходят к схожим выводам о том, что во многих развитых странах в случае отсутствия конкретных и решительных действий в условиях глобализации и увеличения экономического неравенства перспективы экономического роста и социального прогресса не выглядят многообещающими; при этом возможность осуществления необходимых действий представляется, по мнению отдельных специалистов, в частности Б. Милановича и Т. Пикетти, довольно утопичной [2, 520–523; 14, 285–289]. Не так давно Международным валютным фондом после проведения соответствующих исследований было признано, что страны с меньшим уровнем неравенства демонстрируют лучшие экономические результаты [14, 141]. Это по меньшей мере неожиданно, поскольку некоторым образом диссонирует с его традиционными рекомендациями, часто приводившими именно к росту экономического расслоения [21, 56].

Социальные риски, с которыми сталкиваются современные общества в связи с глобальными тенденциями социально-экономического развития и в особенности в связи с ростом социально-экономического неравенства, указывают на необходимость изучения, оценки и осмысления тех ресурсов, которые могут заключаться в особенностях постсоветского социально-экономического развития Беларуси. Как показано выше, одним из наиболее значимых факторов развития в современном мире выступают характеристики социально-экономической дифференциации, определяющей возможности для вертикальной

социальной мобильности в обществе; с социально-экономической дифференциацией в качестве социального явления, влияющего на перспективы социально-экономического развития, непосредственно связана сфера образования, точнее количественные и качественные характеристики развития данной сферы в конкретном обществе: равенство возможностей, которое обеспечивается обоснованным уровнем социально-экономической дифференциации в сочетании с доступностью качественного образования являются необходимыми условиями построения инновационной экономики и обеспечения социального развития в целом.

Особенности социально-экономического расслоения белорусского общества как потенциальный ресурс модернизации. Рассматривая социальные риски и перспективы для белорусского общества, связанные с мировыми тенденциями социального и экономического развития, следует обратить внимание на ряд особенностей современного белорусского социума, которые в контексте проанализированных выше явлений и закономерностей могут оказаться важными для перспектив дальнейшего развития. Исходя из сказанного, в числе значимых детерминант, роль которых для перспектив дальнейшего социально-экономического развития является определяющей, следует выделить три: уровень социально-экономического расслоения белорусского общества; образовательные характеристики белорусского общества и уровень доходов населения, который, при известных ограничениях, также может стать фактором социально-экономического развития.

Одними из наиболее часто используемых показателей экономической дифференциации, понимаемой как различия между группами населения по уровню дохода и располагаемому имуществу, являются квинтильный коэффициент и коэффициент Джини. Квинтильный коэффициент представляет собой отношение среднего дохода 20-ти % богатейших домохозяйств к среднему доходу 20-ти % беднейших домохозяйств. Коэффициент Джини является выражением отклонения распределения доходов в обществе от их абсолютного равенства. Коэффициент Джини может принимать значение в интервале от 0 до 1, где 0 — ситуация полного равенства распределения доходов среди населения, а 1 — полного неравенства (теоретическая ситуация, при которой один индивид или домохозяйство получают все доходы в обществе). Эти же показатели применимы и при оценке имущественной дифференциации.

На протяжении последних двух десятков лет дифференциация доходов в белорусском обществе принципиально не менялась, оставаясь на примерно одинаковом уровне (табл. 1).

Таблица 1. Распределение общего объема располагаемых доходов в Беларуси, 1995—2016 г.

Показатель неравенства	Год									
	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Квинтильный коэффициент	3,8	4,0	3,7	3,9	4,0	4,0	4,0	4,0	4,1	3,9
Коэффициент Джини	0,261	0,270	0,256	0,265	0,284	0,285	0,283	0,275	0,276	0,272

Примечание: наша разработка на основе [22, 118; 23; 24].

В это же время происходило повышение уровня доходов населения, в обществе фиксировалось субъективное ощущение улучшения материального положения [25, 22—24]. Это позволяет полагать, что существующий уровень экономической дифференциации стабилен и уже привычен для населения Беларуси. При этом сам по себе уровень экономического неравенства в бело-

русском обществе существенно ниже, чем во всех соседних странах*, ниже, чем во многих развитых странах и в целом соответствует уровню традиционно наиболее эгалитарных скандинавских стран (табл. 2).

Таблица 2. Распределение общего объема располагаемых доходов в Беларуси, соседних странах и ряде других стран мира, 2016 г. (по данным ООН)**

Государство	Квинтильный коэффициент	Коэффициент Джини
Беларусь	3,9	0,272
Латвия	6,7	0,355
Литва	6,5	0,351
Польша	5,0	0,321
Российская Федерация	8,2	0,416
Украина	3,3	0,241
Великобритания	5,3	0,326
Германия	4,6	0,301
Дания	4,5	0,291
Норвегия	3,8	0,259
США	9,1	0,411
Финляндия	3,9	0,271
Франция	5,3	0,331
Швеция	4,2	0,273
Япония	5,4	0,321

Примечание: наша разработка на основе [23; 24].

Все указывает на то, что в период Независимости в Беларуси не произошло настолько резкой социально-экономической дифференциации доходов населения, как в других постсоциалистических странах, к примеру в России, где уровень экономического неравенства вырос в несколько раз, а в мегаполисах достиг совершенно запредельных значений (по некоторым данным в 2010 г. децильный коэффициент*** достиг в Москве значения 50, что представляет собой величину невиданную даже для стран Латинской Америки) [19, 29–30].

Характер доступных данных позволяет лишь косвенно оценить имущественное неравенство в белорусском обществе. Принимая во внимание, что рост белорусской экономики до начала 2010-х годов в течение полутора десятилетий составлял не менее 5-ти % в год (в 2000–2008 гг. рост составлял в среднем 8 % в год [26, 3]), а это выше обычной доходности капитала, и учитывая, что темпы накопления капитала в экономике в целом до 2008 г. были ниже темпов роста экономики [26, 24, 38], следует полагать, что имущественное неравенство (ввиду закономерностей, раскрытых в упомянутой работе Т. Пикетти [2, 44–45]) в этот период не могло расти ощутимыми темпами. Между тем замедление темпов экономического роста после 2008 г. могло стать основой для увеличения неравенства за счет превышения доходности капитала в отношении к доходности труда, что обычно ведет к накоплению первого и тем самым влечет за собой рост имущественного неравенства [2, 236].

*К официальным данным об уровне неравенства распределения доходов в Украине следует относиться с осторожностью.

**Для международного сравнения уровня экономического неравенства использовались данные ООН, собранные и обработанные по единой методологии, которые, однако, могут незначительно расходиться с данными национальных статистических ведомств, что при этом не искажает общую картину различий между странами.

***Децильный коэффициент — отношение среднего дохода 10 % наиболее обеспеченных к среднему доходу 10 % наименее обеспеченных членов общества.

Однако поскольку государственный сектор занимает не менее 70-ти % в экономике страны, маловероятно, что имущественное неравенство приобрело размах, сопоставимый с размахом, свойственным западным странам, где доля государственного сектора в экономике, который и без того не был и близко настолько высок как в Беларуси, с 1970-х гг. неуклонно сокращалась и при этом в условиях незначительных темпов экономического роста доля капитала в доходах стремительно росла на протяжении последних 30—35-ти лет. При доминировании государственной формы собственности на средства производства имущественное неравенство высокими быть не может.

Из сказанного выше о роли уровня социально-экономической дифференциации в обществе в перспективах социально-экономического развития следует заключить, что в данном аспекте Беларусь имеет ряд изначальных преимуществ, которые при их реализации могут привести к созданию условий для ускорения и повышения качества экономического роста.

Вторым обстоятельством, которое играет важную роль в определении перспектив социально-экономического развития и интенсификации социально-экономического роста, следует рассматривать ситуацию в сфере образования. Общий уровень образования в белорусском обществе сравнительно высок, как минимум среднее образование в возрасте 25 лет и старше имеет 89 % населения, доля лиц с высшим образованием в 2016 г. составила 19 % [27, 230]. Однако здесь существует довольно заметное отставание от ряда развитых стран, таких как Южная Корея, Япония, Сингапур, Ирландия, Великобритания, Австралия, Израиль и некоторых других, где доля лиц с высшим образованием заметно выше. Кроме того, заявлять о полном равенстве возможностей в белорусской сфере образования в условиях роста удельного веса платного высшего образования было бы не совсем корректно. Стоит также помнить, что использование лишь количественных показателей охвата населения образованием недостаточно для обоснованных выводов, поскольку они не говорят о том, насколько высоко качество этого образования; необходимы релевантные международные сравнения. К сожалению, в таких исследованиях Беларусь пока не участвует. Тем не менее не будет преувеличением сказать, что существующая в Беларуси образовательная инфраструктура при компетентном внимании и достаточных инвестициях может представлять собой существенный фактор развития человеческого капитала и формирования инновационной экономики.

Следует обратить внимание, что индекс человеческого развития, одним из трех компонентов которого является образование (наряду с ожидаемой продолжительностью жизни и уровнем жизни), для Беларуси оценивается как высокий [27, 198]. В значительной мере именно человеческое развитие вообще и эффективность системы образования в частности определяют конкурентоспособность страны и влияют на перспективы экономического роста [20, 70; 28]. Кроме того, в белорусском обществе можно констатировать наличие достаточно квалифицированной рабочей силы, причем прирост качества рабочей силы в 2002—2014 гг. на 93 % определялся именно повышением уровня образования работников [26, 29—30]. В настоящее время ситуация в образовании является не в полной мере реализованным преимуществом перед многими развивающимися странами, успешно привлекающими к себе капитал из развитых стран в виде инвестиций, такими как Бангладеш, Пакистан, Вьетнам, Индонезия, Индия.

Именно инвестиции в образование, как показывает Т. Пикетти, позволяют увеличить производительность рабочей силы и стимулировать рост экономики в целом [2, 304]. Хотя в сравнении с другими странами расходы на образование в Беларуси в размере 5 % ВВП можно считать довольно высокими (к

примеру, это выше, чем в России (4,2 %), Польше (4,8 %), Германии (4,9 %), Японии (3,8 %), Южной Корее (4,6 %) [27, 230]), принимая во внимание размер ВВП на душу населения в сравнении с другими странами, эти расходы окажутся не такими значительными, особенно, как утверждает А. Я. Кирута, учитывая, что «...различия между странами по качеству школьного образования объясняют около 60 % различий между ними по объему и успешности инноваций» [20, 73–77]. Низкое налогообложение во многих развитых экономиках, международная налоговая конкуренция и снижение социальных гарантий в конечном итоге привели к тому, что в ряде развитых стран, в частности США и Великобритании, качественное образование становится все менее доступным, реальное равенство возможностей отсутствует, в обществе не используются существующие человеческие, в первую очередь интеллектуальные ресурсы ввиду нереализованности человеческого потенциала по причине снизившихся возможностей для социальной мобильности. В этой связи сравнительную доступность высшего образования также стоит рассматривать как некоторое преимущество, правда с учетом других его особенностей достаточно условное и для своей реализации требующее ряда преобразований.

Технологические изменения последних десятилетий и рост сферы услуг привели к тому, что многие профессии оказались невостребованными, возрос спрос на неквалифицированную или низкоквалифицированную рабочую силу и ряд новых профессий, требующих высокой квалификации и способности к быстрому обучению [14, 81–82]. Возможные риски в данной сфере можно проиллюстрировать следующим примером из работы Г. Стендинга: «...в Испании 40 процентов выпускников университетов через год после окончания вуза оказываются на малоквалифицированных должностях, для которых такой уровень подготовки, как у них, не требуется» [15, 123–124]. Проблема несоответствия образования потребностям экономики наблюдается и в других странах, в частности в Германии [29, 50, 60–67]. Необходимые усилия по улучшению качества образования должны сопровождаться релевантными действиями по созданию спроса на образованных и компетентных специалистов — лишь при реализации такой комбинации можно говорить о создании условий для успешного развития, как в свое время было сделано в Южной Корее. Если концентрироваться лишь на предложении, то в конечном итоге речь будет идти, как заметил Э. Райнерт, о подготовке будущих квалифицированных эмигрантов [1, 263].

В условиях глобализации и совершенствования технологий коммуникации резко возросла международная конкуренция на рынке труда, ввиду этого труд в одной стране при сопоставимом качестве может стоить дешевле, чем в другой, причем настолько, что становится выгодным туда перенести производство [15, 55]. Фактически это приводит к оттоку капитала из развитых стран в менее развитые и развивающиеся [14, 82–83]. При этом трудно ожидать изменения в этой практике в обозримом будущем ввиду весьма ощутимого влияния на принятие политических решений в ведущих западных странах со стороны бизнес-элит [4, 204–206; 14, 108; 18, 44]. Также трудно ожидать в обозримом будущем создания в мировом или даже региональном масштабе механизмов, препятствующих оттоку капитала из развитых стран, ужесточения трудового законодательства, увеличения социальных гарантий [2, 520–549]. В такой ситуации тот досадный факт, что доходы белорусского населения достаточно далеки от доходов в наиболее развитых странах, может быть использован как преимущество, при привлечении иностранного капитала в белорусскую экономику. Здесь, однако, не стоит забывать о конкуренции с азиатскими странами, имеющими, помимо прочего, такие преимущества, как менее развитое трудовое законодательство наряду с некоторыми особенностями

ми правосознания и правоприменения в данной сфере, ввиду чего необходимо искать и развивать дополнительные, например инфраструктурные, преимущества. Кроме того, невысокий уровень дохода не может быть длительным фактором развития, поскольку, во-первых, низкий уровень дохода подразумевает и низкий внутренний спрос и вследствие этого из преимущества быстро станет препятствием для развития, во вторых, это во многом противоречит самим целям социально-экономического развития, предполагающим в первую очередь повышение благосостояния.

Указанные преимущества не стоит рассматривать в качестве факторов социально-экономического развития и повышения роста благосостояния, они носят лишь относительный и условный характер. Без ряда важных мер эти преимущества окажутся нереализованными. Так, доступность образования вовсе не всегда коррелирует с его качеством. Приходится констатировать, что развитие платного высшего образования в существующей форме зачастую противоречит самой сути образовательной деятельности вузов, поскольку напрямую мотивирует учреждения образования к тому, чтобы студент как источник финансирования продолжал учиться даже при неудовлетворительном усвоении знаний и умений, что ведет к выпуску малокомпетентных специалистов, оказывает деморализующее воздействие на других студентов и снижает престиж высшего образования в целом [30, 43]. Учебные программы и материальное обеспечение в отдельных случаях не соответствуют требованиям образовательного процесса и современному уровню научного знания и технологического прогресса [30, 41–42]. Очевидной проблемой является весьма невысокий престиж учительской и преподавательской работы, что связано в первую очередь с низким уровнем доходов [30, 42]. Вследствие этого наиболее талантливые выпускники в большинстве своем не стремятся к академической карьере и не остаются в вузах и научных учреждениях после окончания обучения; преподаватели недостаточно мотивированы к труду, часто вынуждены искать подработку на стороне. Помимо того, учебная нагрузка зачастую настолько велика, что преподаватели по причине отсутствия времени объективно не всегда имеют возможность поддерживать квалификацию в соответствии с современными достижениями науки и требованиями реального сектора экономики, времени на исследовательскую работу у них также часто не остается. Кроме того, низкий уровень доходов высокообразованных людей просто не соответствует представлениям о социальной справедливости: очевидно, что большие усилия, в частности усилия в образовании, должны лучше вознаграждаться. С проблемой низких доходов сталкиваются и научные работники. Помимо решения названных проблем развитие образования также могло бы включать и иные меры, к примеру, уменьшение учебных классов и студенческих групп, что, согласно весьма убедительным научным исследованиям, оказывает положительный эффект на усвоение знаний и умений учащимися [31]. Все это показывает, что без значимых инвестиций в образование, как это было сделано в наиболее успешных современных экономиках, где стартовые возможности для развития были куда хуже, чем в Беларуси, таких как Южная Корея [4, 159] и Сингапур [4, 354–361], существующий потенциал не может быть использован.

С образованием тесно связан вопрос технологического и в целом научного развития, требующего всестороннего поддержания научно-исследовательских разработок в первую очередь путем увеличения объема инвестирования. Вопреки расхожему мнению, здесь важны государственные инвестиции в научные разработки, поскольку именно они играли в этом наиболее значимую роль в других странах, в частности в США [4, 121, 355]. Частный бизнес просто не имеет достаточной мотивации для инвестирования в фундаменталь-

ные научные разработки, которые не приносят непосредственной прибыли, но закладывают основы для прикладных исследований. Не всегда готов частный бизнес инвестировать и в прикладные исследования при отсутствии уже существующей серьезной, в том числе инфраструктурной, базы. Альтернативный вариант придумать сложно: как отмечает Э. Райнерт, залогом процветания для развитых стран всегда служило развитие производственной структуры в тех областях, где был сконцентрирован технологический прогресс; отсутствие же развития в таком направлении ведет в конечном итоге к колониальному положению [1, 30]. Это указывает также на необходимость уделить внимание содержанию школьных учебных программ с целью приведения их в большее соответствие с требованиями построения инновационной экономики, что влечет за собой в первую очередь углубление и повышение качества преподавания дисциплин естественно-научного цикла. В условиях глобальной конкуренции этим обеспокоены даже очень развитые страны, к примеру Германия [29, 169–224].

Стоит учитывать и еще одну важную проблему, на которую обращает внимание ряд белорусских ученых, таких как О. В. Кобяк, Н. Н. Сечко, Г. Н. Соколова, Е. В. Таранова. Она заключается в свойствах экономической культуры, экономического мышления и поведения значительной части белорусского общества. В своих работах Г. Н. Соколова отмечает преобладание консервативного, даже традиционного типа экономического мышления в белорусском обществе [7, 36–37; 8, 107, 111; 32, 56]. Белорусскому обществу, как показывает Н. Н. Сечко, во многом свойственны патерналистские трудовые ценности, белорусы не склонны к инновациям в трудовой деятельности, предпочитают малые нагрузки, комфорт и стабильность, для них менее важна самореализация, престиж, ответственность, возможность проявлять инициативу [17, 251]. Присущие белорусскому обществу факторы трудовой деятельности, как отмечает Е. В. Таранова, в большинстве случаев и в целом не способствуют становлению инновационной экономики: прослеживается преобладание так называемых гигиенических факторов, т. е. не связанных с самостоятельностью, творческим поиском, самореализацией, повышением эффективности, над мотивационными, в куда большей мере соответствующими актуальным запросам социально-экономического развития [33, 257; 34; 35, 73]. Более того, с 2002 по 2011 г. наблюдалась тенденция к снижению доли лиц, реализующих активный тип экономического поведения (повышающих свой доход всеми доступными способами), — с 48,4 % занятого населения до 31,5 % соответственно. Это сопровождалось обратной тенденцией — ростом доли лиц, реализующих адаптивный тип экономического поведения (направленный на поддержание достигнутого уровня дохода), — с 18,3 % до 41,3 % соответственно [36, 175–176]. Большая часть (почти 60 %) условного среднего класса предпочитают гарантированную, пусть и небогатую стабильность более обеспеченной жизни, но с большим уровнем риска [37, 55]. В целом, как показывает О. В. Кобяк, двум третям белорусского населения свойственно пассивное экономическое мышление, при этом активный тип экономического поведения реализует лишь четверть населения [6, 168]. Кроме того, существующие в белорусском обществе с прежних времен пережитки патерналистского и коллективистского мышления характерны не только для экономической культуры, но проявляются гораздо шире, свидетельствуя о масштабе этого явления. Например, студенты, как показало исследование в одном из вузов, часто рассчитывают при трудоустройстве не на профессиональные знания, умения и навыки, а на знакомства, связи, родственников и т. д. [30, 44], что не может не указывать на соответствующее мировоззрение, сформировавшееся реальными практиками в белорусском обществе, и которое

в целом соответствует практикам многих других постсоветских обществ, в частности российского [38, 244–245, 292; 39, 391, 430–431, 434]. Подобные практики более присущи патриархальному миру, где лояльность, зависимость, личные связи определяют перспективы человека [40, 268–280]. Полноценная же реализация существующего потенциала требует доминирования рыночного и гражданского типа социальной связи, предполагающего критическое отношение к другим типам, таким как патриархальный и основанный на репутации, где преобладают отношения личных связей и личной зависимости, и использование их в социальных отношениях [40, 150–174]. Очевидно, что подобные черты экономической и социальной культуры во многом достались в наследство от советского прошлого, которое в свою очередь специфическим образом законсервировало многие коллективистские и патерналистские ценности доиндустриального общества: советское общество, которое в Беларуси формировалось на основе преимущественно традиционного, хотя и оказалось в итоге индустриальным и урбанизированным, но по-прежнему коллективистским и патерналистским, хотя и намного более эгалитарным в сравнении с прежней эпохой. В этой связи нельзя не согласиться с мнением О. В. Кобяка и Г. Н. Соколовой, что построение инновационной экономики непременно требует корректирования экономического мышления и поведения, причем с применением соответствующих социальных механизмов воздействия на экономическое мышление и поведение [6, 164; 32, 57]. Очевидно, что без этого существующий потенциал невысокого уровня социально-экономического расслоения не может быть реализован.

В соответствии с рядом современных концептуальных подходов и выводами недавних исследований анализ возможностей и перспектив развития белорусской экономики и общества в контексте тенденций развития глобализирующегося мира позволяет увидеть ряд обстоятельств, которые могут быть использованы для предотвращения возможных негативных последствий глобализации для Беларуси, более того, могут стать существенными преимуществами для экономического развития и достижения социального благополучия. Невысокий уровень социально-экономического неравенства наряду со сравнительно развитой социальной сферой, доступностью образования, возможностями для вертикальной мобильности и конкурентным на международном рынке труда уровнем дохода при верном их использовании могут стать весьма значимыми факторами ускорения социально-экономического развития и увеличения благосостояния белорусского общества. Причем стоит помнить, что данные обстоятельства не являются гарантией этого, но могут выступать лишь существующими преимуществами и предпосылками, реализация которых зависит от множества факторов.

Кроме того, приведенный анализ позволил выявить ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения. Так, несоответствие особенностей экономической культуры значительной части белорусского общества требованиям развития инновационной экономики ставит вопросы, связанные с возможностью использования соответствующих социальных технологий, направленных на корректирование экономического мышления и поведения, и, в частности, поднимает проблему соотношения этического и прагматического компонентов их применения, методов разработки таких технологий и оценки их эффективности. Остается не до конца проясненным вопрос мотивации в условиях невысокого неравенства, поскольку очевидно, что невысокий экономически оправданный уровень неравенства не следует понимать как «уравниловку» советского образца. Возможно, некоторое увеличение дифференциации, как указывает Г. Н. Соколова [32, 34], могло быть экономически оправданным, к тому же существующий невысокий уровень расслоения оставляет для этого

экономически допустимый и социально безопасный резерв. Кроме того, исследование показало, что для более точной оценки социально-экономической дифференциации в белорусском обществе необходимо дальнейшее изучение имущественного расслоения.

Следует также отметить, что приведенный анализ подразумевает под собой априорную приверженность ценностям общества потребления, подразумевающего инструментализацию человека и его поведения, абсолютизацию материальных ценностей, первичность экономической и статусной дифференциации в социальной иерархии, что характерно для ценностей общества рыночной экономики и подразумевает истинность соответствующих социальных критериев оценки и схем мышления, но, очевидно, не является бесспорным, безальтернативным и этически безупречным с позиций возможных альтернативных критериев социальной справедливости и социального развития, о чем не следует забывать.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Райнерт, Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Э. С. Райнерт : пер. с англ. Н. Автономовой ; под ред. В. Автономова. — М. : Высш. шк. экономики, 2011. — 384 с.

Raynert, E. S. Kak bogatyie strany stali bogatyimi, i pochemu bednyie strany ostayutsya bednyimi [How Rich Countries Got Rich ... and Why Poor Countries Stay Poor] / E. S. Raynert : per. s angl. N. Avtonomovoy ; pod red. V. Avtonomova. — M. : Vyssh. shk. ekonomiki, 2011. — 384 p.

2. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти : пер. с фр. А. Л. Дунаев ; науч. ред. пер. А. Ю. Володин. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с.

Piketti, T. Kapital v XXI veke [Capital in the Twenty-First Century] / T. Piketti : per. s fr. A. L. Dunaev ; nauch. red. per. A. Yu. Volodin. — M. : Ad Marginem Press, 2015. — 592 p.

3. Сен, А. Идея справедливости / А. Сен : пер. с англ. Д. Кралечкина ; науч. ред. пер. В. Софронов, А. Смирнов. — М. : Издательство Ин-та Гайдара : Либеральная Миссия, 2016. — 520 с.

Sen, A. Ideya spravedlivosti [The Idea of Justice] / A. Sen : per. s angl. D. Kralechkina ; nauch. red. per. V. Sofronov, A. Smirnov. — M. : Izdatelstvo In-ta Gaydara : Liberalnaya Missiya, 2016. — 520 p.

4. Стиглиц, Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99 % населения? / Дж. Стиглиц : пер. с англ. Ф. А. Исрафилова. — М. : Эксмо, 2016. — 480 с.

Stiglits, Dzh. Velikoe razdelenie. Neravenstvo v obschestve, ili Chto delat ostavshimsya 99 % naseleniya? [The Great Divide: Unequal Societies And What We Can Do About Them] / Dzh. Stiglits : per. s angl. F. A. Israfilova. — M. : Eksmo, 2016. — 480 p.

5. Стиглиц, Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему : пер. с англ. / Дж. Стиглиц. — М. : Э, 2017. — 512 с.

Stiglits, Dzh. Tsena neravenstva. Chem rassloenie obschestva grozit nashemu buduschemu [The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future] : per. s angl. / Dzh. Stiglits. — M. : E, 2017. — 512 p.

6. Кобяк, О. В. Экономическое поведение: принципы и методы социологического моделирования / О. В. Кобяк. — Минск : РИВШ, 2015. — 240 с.

Kobyak, O. V. Ekonomicheskoe povedenie: printsipy i metodyi sotsiologicheskogo modelirovaniya [Economic Behavior: Principles and Methods of Sociological Modeling] / O. V. Kobyak. — Minsk : RIVSh, 2015. — 240 p.

7. Соколова, Г. Н. Модернизация как «ответ» общества на «вызов» глобальных изменений в мире / Г. Н. Соколова // Социол. альм. — Вып. 4. — Минск : Белорус. наука, 2013. — С. 24–38.

Sokolova, G. N. Modernizatsiya kak «otvet» obschestva na «vyizov» globalnyih izmeneniy v mire [Modernization as the «answer» of Society to «call» of the Global Changes in the World] / G. N. Sokolova // Sotsiol. alm. — Vyip. 4. — Minsk : Belorus. nauka, 2013. — P. 24–38.

8. Соколова, Г. Н. Феномен модернизации в глобализирующемся мире: методологический аспект анализа / Г. Н. Соколова // Социол. альм. — Вып. 5. — Минск : Белорус. наука, 2014. — С. 103–112.

Sokolova, G. N. Fenomen modernizatsii v globaliziruyuschemsya mire: metodologicheskii aspekt analiza [Phenomenon of Modernization in Globalized World: Methodological Aspect of Analysis] / G. N. Sokolova // Sotsiol. alm. — Vyip. 5. — Minsk : Belarus. nauka, 2014. — P. 103–112.

9. OECD Forum 2015: Income Inequality in Figures [Electronic resource] : The Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD). — Mode of access: <http://www.oecd.org/forum/issues/oecd-forum-2015-income-inequality-in-figures.htm>. — Date of access: 22.10.2017.

10. *Бауман, З.* Идет ли неравенство немногих на пользу всем прочим? / З. Бауман : пер. с англ. Н. Эйдельмана. — М. : Издательство Ин-та Гайдара, 2015. — 109 с.

Bauman, Z. Idet li neravenstvo nemnogh na polzu vsem prochim? [Does the Richness of the Few Benefit Us All?] / Z. Bauman : per. s angl. N. Eydelmana. — M. : Izdatelstvo In-ta Gaydara, 2015. — 109 p.

11. *Стиглиц, Д.* Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Д. Стиглиц, А. Сен, Ж.-П. Фитусси : пер. с англ. И. Кушнारेвой ; науч. ред. пер. Т. Дробышевская. — М. : Издательство Ин-та Гайдара, 2016. — 216 с.

Stiglits, D. Neverno otsenivaya nashu zhizn: Pochemu VVP ne imeet smysla? Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsialnogo progressa [Mismeasuring Our Lives: Why Gdp Doesn't Add Up: The Report] / D. Stiglits, A. Sen, Zh.-P. Fitussi : per. s angl. I. Kushnarevoy ; nauch. red. per. T. Drobyishevskaya. — M. : Izdatelstvo In-ta Gaydara, 2016. — 216 p.

12. *Терборн, Г.* Глобальное неравенство: возвращение класса / Г. Терборн // Глобал. диалог. — 2011. — Т. 2, № 1. — С. 3–5.

Terborn, G. Globalnoe neravenstvo: vozvrashchenie klassa [Global Inequality: The Return of Class] / G. Terborn // Global. dialog. — 2011. — Т. 2, N 1. — P. 3–5.

13. *Болтански, Л.* Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э. Кьяпелло : пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. — М. : Новое литератур. обозрение, 2011. — 976 с.

Boltanski, L. Novyiy duh kapitalizma [The New Spirit of Capitalism] / L. Boltanski, E. Kyapello : per. s fr. pod obsch. red. S. Fokina. — M. : Novoe literatur. obozrenie, 2011. — 976 p.

14. *Миланович, Б.* Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации / Б. Миланович : пер. с англ. Д. Шестакова. — М. : Издательство Ин-та Гайдара, 2017. — 336 с.

Milanovich, B. Globalnoe neravenstvo. Novyiy podhod dlya epohi globalizatsii [Global inequality: A New Approach for the Age of Globalization] / B. Milanovich : per. s angl. D. Shestakova. — M. : Izdatelstvo In-ta Gaydara, 2017. — 336 p.

15. *Стендинг, Г.* Прекариат: новый опасный класс / Г. Стендинг. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328 с.

Stending, G. Prekariat: novyiy opasnyiy klass [The Precariat] / G. Stending. — M. : Ad Marginem Press, 2014. — 328 p.

16. *Иванов, Д. В.* Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин / Д. В. Иванов // Журн. социологии и социальной антропологии. — 2010. — Т. XIII, № 2. — С. 21–51.

Ivanov, D. V. Aktualnaya sotsiologiya: veselaya nauka v poiskah zlyih istin [Actual Sociology: a Cheerful Science in Search of Evil Truths] / D. V. Ivanov // Zhurn. sotsiologii i sotsialnoy antropologii. — 2010. — Т. XIII, N 2. — P. 21–51.

17. *Сечко, Н. Н.* Динамика трудовых ценностей белорусского населения / Н. Н. Сечко // Социол. альм. — Вып. 1. — Минск : Беларус. наука, 2010. — С. 242–252.

Sechko, N. N. Dinamika trudovyih tsennostey belorusskogo naseleniya [Dynamics of Labour Values of the Belarus People] / N. N. Sechko // Sotsiol. alm. — Vyip. 1. — Minsk : Belarus. nauka, 2010. — P. 242–252.

18. *Аткинсон, Э. Б.* Что такое «неравенство» и можем ли мы его преодолеть? / Э. Б. Аткинсон // Экон. социология. — 2017. — Т. 18, № 2. — С. 41–79.

Atkinson, E. B. Chto takoe «neravenstvo» i mozhem li myi ego preodolet? [Inequality: What can be Done?] / E. B. Atkinson // Ekon. sotsiologiya. — 2017. — Т. 18, N 2. — P. 41–79.

19. *Горшков, М. К.* Социальные неравенства как вызов современной России / М. К. Горшков // Вестн. ин-та социологии. — 2010. — № 1. — С. 24–47.

Gorshkov, M. K. Sotsialnyie neravenstva kak vyzov sovremennoy Rossii [Social Inequalities as a Challenge to Modern Russia] / M. K. Gorshkov // Vestn. in-ta sotsiologii. — 2010. — N 1. — P. 24–47.

20. *Кирута, А. Я.* Влияние неравенства на качество человеческого потенциала в России / А. Я. Кирута // Вестн. ин-та социологии. — 2011. — № 3. — С. 67–87.

Kiruta, A. Ya. Vliyanie neravenstva na kachestvo chelovecheskogo potentsiala v Rossii [The Impact of Inequality on the Quality of Human Potential in Russia] / A. Ya. Kiruta // Vestn. in-ta sotsiologii. — 2011. — N 3. — P. 67–87.

21. *Терборн, Г.* Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения / Г. Терборн // Социол. обозрение. — 2005. — Т. 4, № 1. — С. 31–62.

Terborn, G. Globalizatsiya i neravenstvo: problemyi kontseptualizatsii i ob'yasneniya [Globalization and Inequality: Issues of Conceptualization and of Explanation] / G. Terborn // Sotsiol. obozrenie. — 2005. — Т. 4, N 1. — P. 31–62.

22. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2016 : стат. сб. — Минск : Национальный стат. ком. Респ. Беларусь, 2016. — 519 с.

23. Income inequality, Gini coefficient [Electronic Resource] // United Nations Development Programme. Human Development Reports, 2016. — Mode of access: <http://hdr.undp.org/en/indicators/67106>. — Date of access: 22.10.2017.

24. Income inequality, quintile ratio [Electronic Resource] // United Nations Development Programme. Human Development Reports. — 2016. — Mode of access: <http://hdr.undp.org/en/indicators/135106>. — Date of access: 22.10.2017.

25. *Сечко, Н. Н.* Уровень жизни занятого населения как индикатор эффективности функционирования рынка труда / Н. Н. Сечко // Весці Нацыянальнай акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. — 2016. — № 1. — С. 20–24.

Sechko, N. N. Uroven zhizni zanyatogo naseleniya kak indikator effektivnosti funktsionirovaniya ryinka truda [Living Standard of the Employed Population as an Indicator of Labor Market Functioning Efficiency] / N. N. Sechko // Vestsi Natsyianalнай akad. navuk Belarusi. Ser. gumanitar. navuk. — 2016. — N 1. — P. 20–24.

26. *Мирончик, Н. Л.* Анализ факторов экономического роста в Республике Беларусь на основе производственной функции / Н. Л. Мирончик, С. В. Судник, Е. Е. Качерская // Банк. вестн. — 2016. — Исследования банка № 9. — 53 с.

Mironchik, N. L. Analiz faktorov ekonomicheskogo rosta v Respublike Belarus na osnove proizvodstvennoy funktsii [Analysis of Factors of Economic Growth in the Republic of Belarus on the Basis of Production Function] / N. L. Mironchik, S. V. Sudnik, E. E. Kacherskaya // Bank. vestn. — 2016. — Issledovaniya banka N 9. — 53 p.

27. Доклад о человеческом развитии 2016. Человеческое развитие для всех и каждого : пер. с англ. // Программа развития ООН. — М. : Весь Мир, 2017. — 284 с.

28. *Жукович, С. Я.* Влияние параметра эффективности обучения на экономический рост государства / С. Я. Жукович // Экономика. Управление. Инновации. — 2017. — № 1/2 (1). — С. 117–122.

Zhukovich, S. Ya. Vliyanie parametra effektivnosti obucheniya na ekonomicheskiy rost gosudarstva [Influence of Educational Efficiency Parameter on State's Economic Growth of State] / S. Ya. Zhukovich // Ekonomika. Upravlenie. Innovatsii. — 2017. — N 1/2 (1). — P. 117–122.

29. *Саррацин, Т.* Германия: самоликвидация : пер. с нем. / Т. Саррацин. — М. : Рид Групп, 2012. — 400 с.

Sarratsin, T. Germaniya: samolikvidatsiya [Germany is doing away with itself] : per. s nem. / T. Sarratsin. — M. : Rid Grupp, 2012. — 400 p.

30. *Алампиев, О. А.* Особенности современной академической культуры студентов регионального вуза / О. А. Алампиев // Высшая школа: проблемы и перспективы : 12 междунар. науч.-метод. конф., Минск, 22–23 окт. 2015 г. : в 2 ч. / РИВШ. — Минск, 2015. — Ч. 1. — С. 38–44.

Alampiev, O. A. Osobennosti sovremennoy akademicheskoy kulturyi studentov regionalnogo vuza [Modern academic culture features of students from a regional higher education establishment] / O. A. Alampiev // Vysshaya shkola: problemyi i perspektivy: 12 mezhdunar. nauch.-metod. konf., Minsk, 22–23 okt. 2015 g. : v 2 ch. / RIVSh. — Minsk, 2015. — Ch. 1. — P. 38–44.

31. *Mosteller, F.* The Tennessee Study of Class Size in the Early School Grades / F. Mosteller // The Future of Children: Critical Issues for Children and Youths. — 1995. — Vol. 5, N 2. — P. 113–127.

32. *Соколова, Г. Н.* Социальные проблемы реализации инновационной стратегии в Республике Беларусь / Г. Н. Соколова // Социол. альм. — Вып. 1. — Минск : Белорус. наука, 2010. — С. 49–59.

Sokolova, G. N. Sotsialnyie problemyi realizatsii innovatsionnoy strategii v Respublike Belarus [Social Problems of Realization of the Innovative Strategy in the

Republic of Belarus] / G. N. Sokolova // Sotsiol. alm. — Vyip. 1. — Minsk : Belarus. nauka, 2010. — P. 49–59.

33. *Таранова, Е. В.* Экономическое неравенство и социальная структура белорусского общества / Е. В. Таранова // Социол. альм. — Вып. 1. — Минск : Беларус. наука, 2010. — С. 253–261.

Taranova, E. V. Ekonomicheskoe neravenstvo i sotsialnaya struktura belorusskogo obshchestva [Economic Inequality and Social Structure of the Belarus Society: Analysis of the Present State] / E. V. Taranova // Sotsiol. alm. — Vyip. 1. — Minsk : Belarus. nauka, 2010. — P. 253–261.

34. *Таранова, Е. В.* Факторы трудовой мотивации белорусов / Е. В. Таранова // Социол. альм. — Вып. 6. — Минск : Беларус. наука, 2015. — С. 436–444.

Taranova, E. V. Faktoryi trudovoy motivatsii belorusov [Factors of Labor Motivation of Belarusians] / E. V. Taranova // Sotsiol. alm. — Vyip. 6. — Minsk : Belarus. nauka, 2015. — P. 436–444.

35. *Таранова, Е. В.* Вторичная занятость в экономическом поведении белорусов / Е. В. Таранова // Социол. альм. — Вып. 4 — Минск : Беларус. наука, 2013. — С. 68–76.

Taranova, E. V. Vtorichnaya zanyatost v ekonomicheskom povedenii belorusov [Additional Employment in Economic Behavior of Belarusians] / E. V. Taranova // Sotsiol. alm. — Vyip. 4 — Minsk : Belarus. nauka, 2013. — P. 68–76.

36. *Палховская, Е. Б.* Экономическое поведение работников на внутреннем рынке труда Беларуси / Е. Б. Палховская // Социол. альм. — Вып. 5. — Минск : Беларус. наука, 2014. — С. 168–177.

Palhovskaya, E. B. Ekonomicheskoe povedenie rabotnikov na vnutrennem rynke truda Belarusi [Economic Behavior of Workers at the Internal Labour Market in Belarus] / E. B. Palhovskaya // Sotsiol. alm. — Vyip. 5. — Minsk : Belarus. nauka, 2014. — P. 168–177.

37. *Денискина, А. И.* Экономический и социальный ресурс среднего класса Республики Беларусь / А. И. Денискина // Социол. альм. — Вып. 4. — Минск : Беларус. наука, 2013. — С. 47–56.

Deniskina, A. I. Ekonomicheskii i sotsialnyi resurs srednego klassa Respubliki Belarus [Economic and Social Resources of the Middle Class of the Belarus] / A. I. Deniskina // Sotsiol. alm. — Vyip. 4. — Minsk : Belarus. nauka, 2013. — P. 47–56.

38. *Тихонова, Н. Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа / Н. Е. Тихонова. — М. : Ин-т социологии РАН, 2007. — 320 с.

Tihonova, N. E. Sotsialnaya stratifikatsiya v sovremennoy Rossii: opyt empiricheskogo analiza [Social Stratification in Modern Russia: the Experience of Empirical Analysis] / N. E. Tihonova. — M. : In-t sotsiologii RAN, 2007. — 320 p.

39. *Шкаратан, О. И.* Социология неравенства. Теория и реальность / О. И. Шкаратан ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. — 526 с.

Shkaratan, O. I. Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i realnost [Sociology of Inequality. Theory and Reality] / O. I. Shkaratan ; Nats. issled. un-t «Vyisshaya shkola ekonomiki». — M. : Izd. dom Vyissh. shk. ekonomiki, 2012. — 526 p.

40. *Болтански, Л.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено ; пер. с фр. О. В. Ковеневоy ; науч. ред. пер. Н. Е. Копосов. — М. : Новое литератур. обозрение, 2013. — 576 с.

Boltanski, L. Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov [On Justification. The Economies of Worth] / L. Boltanski, L. Teveno ; per. s fr. O. V. Kovenevov ; nauch. red. per. N. E. Kopusov. — M. : Novoe literatur. obozrenie, 2013. — 576 p.

ALEH ALAMPIYEU

**SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY IN
THE ERA OF GLOBALIZATION: CHALLENGES
AND PROSPECTS FOR BELARUS**

Author affiliation. *Aleh ALAMPIYEU (alampijeu@gmail.com), Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).*

Abstract. Social and economic consequences that modern societies are faced with due to increased socio-economic differentiation resulting from implementation of the neoliberal economic model and economic globalization are analyzed. Social risks, caused by a high level of socio-economic differentiation under conditions of information society and innovative economy formation are identified.

Keywords: social differentiation; social risks; social development.

UDC 316.344

*Статья поступила
в редакцию 15.11. 2017 г.*

Г. Ф. БЕДУЛИНА

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ

Данная статья посвящена анализу эффективных форм и методик по развитию предпринимательских компетенций студентов на основе зарубежного и отечественного опыта. Выявлена необходимость изучения, разработки и внедрения новых подходов на основе национальной системы делового образования, направленного на то, чтобы подготовить студентов к предпринимательской деятельности и развить ключевые профессиональные компетенции.

Ключевые слова: предпринимательские компетенции; предпринимательская культура.

УДК 748/311.1

В условиях постиндустриального общества стремительно изменяются требования рынка труда к выпускникам, что соответственно требует внедрения инновационных подходов в образовательный процесс. Одной из составляющих этого процесса является решение важной задачи по развитию предпринимательских компетенций студентов, что представляет собой комплекс последовательных решений, направленных на активизацию творческого мышления, вовлечение студентов в инновационные образовательные процессы, поиск инструментов мотивации студентов к приобретению новых знаний.

Рассмотрим процесс организации формирования предпринимательских компетенций студентов в высших учебных заведениях на примере зарубежного и отечественного опыта. Автор статьи представляет опыт работы аме-

Галина Федоровна БЕДУЛИНА (bedulina@yandex.ru), кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).